

# Сказка о семи Семионах

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помощью в работе. И молятся они год, другой, молятся третий и четвёртый, молятся пятый и шестой, а не вымолят ни единого детища; однако через семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых всех назвали Семионами. И когда старик со старухой умерли, то остались Семионы сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали своё поле уже сами, и не уступали своим соседям. В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавец всей той области, и увидел работающих на поле семь Семионов. Он весьма удивился, что такие малые ребята — и пашут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семионам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжёлую работу? На то ему ответ держал старший Семион, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказал, что всех их зовут Семионами. Боярин пошёл от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько ребят-братьев называются одним именем, — для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семионов с собою. Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совет таковыми словесами:

— Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников; я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или художество мне их отдать должно учиться?

На сие отвечали все так:

— Милостивейший государь! Как теперь они уже на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или художество пожелает пуститься.

Царь принял сей совет с радостию и начал большего Семиона спрашивать:

— Слушай, друг мой, в какую науку или художество пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам.

Семион на то ему отвечал:

— Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба.

Царь увидел, что этого Семиона учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает; однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу. Потом спрашивал другого Семиона:

— А ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь, в такую я тебя и отдам.

На сие Семион ему сказал:

— Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не хочу; а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается.

Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так мудрён. После спрашивал третьего Семиона:

— Ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь?

Семион на то ему сказал:

— Ваше величество! Я никакой науке, ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, я тем топором тят да ляп — тотчас бы сделал корабль.

Король на то ему сказал:

— Мне корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно.

Потом спросил он четвёртого Семиона:

— Ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

— Ваше величество! — сказал он на то ему. — Я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал корабль и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я взял корабль за нос и повёл бы его в подземельное государство, и когда бы неприятель ушёл прочь, то тогда б я опять корабль вывел на море.

Царь удивился таким великим четвёртого Семиона чудесам и сказал ему:

— И тебя учить не надобно!

Потом спросил пятого Семиона:

— А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

— Я ничему учиться не желаю, ваше величество! — сказал Семион. — А ежели большой мой брат скуёт мне ружьё, то я тем ружьём, ежели увижу птицу — хотя за сто вёрст, то её подстрелю.

— Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец! — сказал ему царь.

После спросил шестого Семиона:

— Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?

— Ваше величество! — сказал ему Семион. — Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я её до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе.

— Великий искусник! — сказал ему царь. — Ты у меня вместо легавой собаки в поле можешь служить.

После спросил царь последнего Семиона:

— А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?

— Ваше величество! — отвечал он ему. — Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое!

— Да какое ж ты имеешь ремесло? — спросил его царь. — Скажи мне, пожалуй!

— Я хорошо умею воровать, — сказал ему Семион, — и так, что никто против меня не сворует.

Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам:

— Господа мои! Чем присоветуете мне наказать сего вора Семиона, и скажите, какую казнию казнить его должно?

— Ваше величество! — сказали ему все они. — На что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет надобен.

— Да почему это? — спросил царь.

— А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаёте себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали; и этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдёт.

Царь на то им сказал:

— Друзья мои, вы правду мне говорите!

Потом обернулся он к Семиону-вору и сказал ему:

— Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в неё весьма крепко влюблён; и ежели ты мне её украдёшь, то я тебе сделаю великое награждение.

— Это наше дело, ваше величество, — отвечал седьмой Семион, — и я вам её, ежели только прикажете, украду.

— Не только чтобы тебе приказывать, — сказал ему царь, — но я ещё о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моём и бери себе силы-войска и золотой казны, сколько тебе надобно.

— Мне ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно, — отвечал он. — Отпусти нас всех братьев вместе, и я тебе царевну Елену Прекрасную достану.

Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако, хотя то и жалко ему было, но принуждён был отпустить их всех вместе. Между тем кузница на царском дворе была устроена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору:

— Ваше величество! Вижу, за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается.

Тогда царь ещё больше красотою её прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом:

— Друзья мои, отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без прекрасной царевны Елены!

Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружьё; и после того взяли с собою несколько хлеба на дорогу, а Семион-вор

взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку ту Семион-вор так к себе приучил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели он останавливался на дороге или в ином каком месте, то кошка становилась на задние лапы, а потом тёрлась около него и мурлыкала. И так шли они путём-дорогою несколько времени и, наконец, пришли к морю, чрез которое надо было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нём же тят да ляп — сделал тотчас корабль, который был оснащён, а в корабле очутились разные дорогие товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, то тотчас бросили якорь.

На другой день Семион-вор взял свою кошку, и пошёл в город, и пришедши к царскому двору, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то ж самое время кошка села на задние лапы, а потом начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что в том государстве совсем не знали и не слыхали, что есть за зверь кошка. Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверёк, не продаст ли он его, и ежели продаст, то какую за него просит цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона: какой это у него зверёк и не продаст ли его? Семион на то им отвечал:

— Государыни мои, извольте доложить её высочеству Елене Прекрасной, что этот зверёк называется кошкою и что я его не продаю, а ежели она пожелает этого зверька иметь у себя, то оною дарю ей без всякой платы.

Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, и выбежала сама из палат, и спрашивала Семиона: не продаст ли кошки? Семион ей сказал:

— Ваше высочество! Я сей кошки не продаю; а если она вам угодна, то вам её дарю.

Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарил некий чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора, и когда он к нему пришёл, то царь

хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него, то сказал ему:

— Друг мой! Живи покуда в моём доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери.

На сие Семион также не согласился и сказал царю:

— Ваше величество! Я бы с радостию великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому; а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери.

Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал:

— Милостивая государыня! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловали; я бы показал вам такие дорогие парчи, которых вы никогда ещё не видывали.

Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь её отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек, и пошла с Семионом.

Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, и когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные дорогие парчи. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной:

— Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть.

Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, и как скоро они сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на всех парусах; а сам между тем начал царевне показывать дорогие товары, из которых и подарил её некоторыми. Прошло уже часа с два времени, как он показывал царевне свои товары; наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, её отец, будет дожидаться её обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже не видно. Тогда она ударила себя в грудь и вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас своё ружьё и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды её не допустил и

принёс её опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею. Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалил от берега с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане. Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвёртый Семион взял свой корабль за нос и увёл его в подземельное государство. Когда же корабля совсем стало не видимо, то начальники флота, увидя, как он ушёл на дно, думали, что корабль потонул и с царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назад и донесли царю Саргу, что Семионов корабль и с Еленою Прекрасною потонул. Семионы же благополучно в своё государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семионов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно злата, и серебра, и драгоценного камня, а сам женился на Прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.